

Юля Алонс и Маша Сыч

Тумнастка и Искатель

Цирковая история

Юля Алонс

**Гимнастка и Искатель.
Цирковая история**

«Издательские решения»

Алонс Ю.

Гимнастка и Искатель. Цирковая история / Ю. Алонс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856292-1

Короткая история одного вечера. Бродячий цирк, громкая музыка,
мерцающий свет, улыбки, сладкий манящий запах карамельных яблок.
И незванный гость-скиталец, случайно перевернувший все с ног на голову.

ISBN 978-5-44-856292-1

© Алонс Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Гимнастка	6
Глава 2. Искатель	8
Глава 3. Гимнастка	10
Глава 4. Искатель	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Гимнастка и Искатель

Цирковая история

Юля Алонс
Маша Сыч

© Юля Алонс, 2017

© Маша Сыч, 2017

ISBN 978-5-4485-6292-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Гимнастка

Здесь всегда так: душно, пыльно и много людей. Мы не актеры, у нас нет отдельных примерок, отдельных комнат и букетов желтых тюльпанов в персональных вазах.

У нас повсюду крики, рыки и ржание лошадей. Но мне тут нравится, я не видела другой жизни.

Меня зовут Лина, приятно познакомиться. В нашем цирке меня знают все, мой отец – его директор. Ничем более я не особенная. Разве только что выгляжу причудливо при своих светлых волосах и черных бровях. Ах да, еще у меня постоянно сухие и обветренные губы – чудное пристанище для лихорадки, ледяные руки и детский голос. Также я умею рисовать города на теле.

Ночью, когда мне становится грустно, я часто рисую у себя на запястье или на колене дворцы и сады, жаль, что бесцветные. Пожалуй, это все, что я могу о себе сказать. Потрясающая характеристика, скажете вы? Но что поделать, мне всего семнадцать лет и со мной никогда ничего не случилось. Если, конечно, не считать того великолепного падения с высоты, когда я ударилась головой о землю. Палаточный брезент, скажу я вам, меня не спас. Получите – распишитесь, теперь я – косоглазый уродец, правого ока которого «нет на месте» каждый раз, как я задумаюсь.

Да, я воздушная гимнастка. Уже четыре года как. До этого я только лишь подавала воду дрессировщикам, по четвергам кормила львов и тренировалась, тренировалась, тренировалась...

Как говорил кто-то умный (то есть, это мог быть любой, кроме меня): «если долго мучиться – что-нибудь получится». Я мучилась, впрочем, не могу назвать это мукой, довольно долго, и, поэтому, сейчас моя главная задача: не свалиться с качелей, когда паришь почти под куполом цирка, и держать баланс, когда ходишь по канату. Это незабываемое чувство. Каждый раз как в первый: сердце стучит так громко, что кажется, его биение слышат почти все; зрители сидят с открытыми ртами, и я почти ощущаю, как пальцы моего папочки впиваются ему в кожу. Он боится за меня даже больше, чем я сама.

В общем, если балансировать на канате у меня получается, то с душевным равновесием мы часто не находим общего языка.

Все мои парни (а их было целых трое!) говорили, что я витаю в заоблачных высотах и хочу от них чего-то совершенно невыполнимого. А это все неправда, неправда все это! Я просто хочу попасть в ту страну, которую нарисовала вчера ночью на правом плече.

Они говорят, я – «капризный ребенок», но я им не верю. Я верю только своему папе, а он говорит, что я – прелесть.

Все эти парни достались мне от Сюзи, рядом с которой я выгляжу абсолютно бесцветной, бесполезной и пустой. Но я люблю ее.

Сюзи, она же Сюзан, – моя соседка по спальне. Она потрясающа и сводит меня с ума. Впрочем, не только меня. За ней бегают все парни нашего далеко не маленького цирка, парочку она с барской щедростью подарила одинокой мне. Но это было все не то, это все было пресно и пошло, настолько не так, как мне хотелось, что слезы наполняли мои светло-карие, глупо-детские глаза каждый раз, как они ко мне прикасались. После этого я и стала «капризным ребенком», «глупой девчонкой», «недо-ассоль» и даже «уронившей мозга».

А Сюзи... Она – богиня. Носит пышное каре, хитро шурит глаза и облизывает острым язычком обсохшие губы. Сюзан – младшая дрессировщица, укротительница тигров – это звучит эротичнее. И сама она похожа на кошку. А еще она француженка по национальности и хищница по званию. Иногда я удивляюсь стойкости наших парней. Не знаю, каким образом я бы держалась на их месте.

Мы с Сюзи любим друг друга, но это не мешает нам рассориться на неделю и строить друг другу чисто женские каверзы.

Сейчас она подкрашивает свои прелестные губки перед зеркалом, а я в это время нервно дорисовываю на правой ноге ночной парк с тускло горящими фонарями, старыми лавочками и белыми голубями, важно гуляющими по асфальту. И как это уместилось на моей худющей кривой ноге?

Вот кто-то позвал Сюзи и она, причмокнув губами, улетела на зов. Я, осторожно ступая, подошла к ее столику и, положив на него ногу, взяла ее тушь. Мне нравится тушь Сюзи: густая и очень черная. Если правильно ею пользоваться, то получаются потрясающие тени.

Увлечшись разрисовыванием самой важной моей части тела, я потеряла бдительность и оторвалась от своего занятия только тогда, когда вернувшаяся Сюзи объявила:

– Твой выход через пять минут, милая. Смывай с себя географию и удачи тебе, – про тушь она не сказала ничего, и я снова почувствовала, как сильно люблю ее... Правда, я не совсем поняла, при чем тут география, но разве это так важно?

Я стою за кулисами и сердце уже начало паниковать. С тринадцати лет, год за годом, день за днем, я стою тут с каменным лицом и сжатыми кулаками – ничего не меняется. Но сегодня напал какой-то особый «столбняк», как будто все чувства атрофировались и только одна, несуществующая частичка тела, имя которой «д у ш а» ноет и плачет отчего-то.

Я бы и не заметила объявления своего выхода, если бы Сюзи не толкнула меня. Мои бедные ватные ноги, как же вы добредете до сцены?!

Очень светло. Примерка такая темная, а на сцене светло... В углу стоит Артем, наш холодный красавец, которого не узнать в этом фиолетовом кудрявом парике с этим отвратительным красным носом. Если бы я не знала его с самого детства, никогда бы не поверила, что у него может быть такой тонкий голос и острое чувство юмора. Вот только глаза у него оставались такими же холодными. Он улыбнулся, и мне стало легче.

Осталось добрести до родных качелей, которые, как только я сяду, тут же взмоют в воздух под мою любимую музыку. Я не знаю, что будет дальше: тело помнит, а я – нет.

Села. Я – молодец. Вчера я тоже села. И позавчера. И вчера, и позавчера я также оглядывала зрителей и чувствовала то же накапливающее раздражение и недоумение, видя детей, жующих попкорн, влюбленные парочки, занятые собой и недовольных бабуль, которые взирают строго, заранее готовясь скривить губы.

Но ни вчера, ни позавчера я не видела его.

Глава 2. Искатель

Я иду. Не очень оригинальное занятие, но иногда мне кажется, что это лучшее, что я могу, да и вообще мастерски умею. Какая-то неведомая сила не позволяет мне сидеть на месте, побеждает все доводы разума, природную лень и всякие там обстоятельства, и несет куда-то дальше. Куда, я не всегда знаю, да и не так уж это важно. Мне определенно нравится приходить, а чтобы куда-нибудь прийти, нужно, как минимум, откуда-нибудь уйти. И я ухожу, очень качественно ухожу, так качественно, что никогда не возвращаюсь. Возвращаться мне, кстати, совсем не по душе.

Отец мой – простой деревенский кузнец – не совсем разделял мои убеждения. Брызжа слюной и размахивая руками с широкими загрубевшими ладонями мастера, он кричал, что у него в семье никогда не было таких легкомысленных дураков, как я, и что если я не изменюсь, и не начну задумываться о будущем, то не видать мне жизни, то есть вообще никакой. Но я живу вопреки его мрачным предсказаниям, живу вот уже двадцать два года, и надеюсь, это не предел моих бездарных возможностей.

Однажды отец, в очередной раз пытаясь меня вразумить и наставить на путь истинный, сгоряча воскликнул, что я, может, и не сын ему, мол у моей мамочки было богатое прошлое. И тогда я первый раз ушел, ну а возвращаться мне категорически не нравится, я уже говорил. Не знаю, возможно, он был прав: мы разные даже внешне, его жесткие кудрявые волосы цвета мокрой дубовой древесины и темные, почти черные глаза, действительно не имеют ничего общего с моей взъерошенной рыжевато-светлой головой и зеленовато-серыми как вода в лесном озере зрачками.

Но сейчас все это неважно. Я не ценю прошлое, хотя бы потому что оно п р о ш л о. Исчезло, растворилось, нет больше, да и вряд ли будет. А вот я есть, весь такой прекрасный и удивительный с расцарапанными руками и усталыми глазами. Нет, довольно глубокие царапины на руках это не боевые раны и даже не следы противостояния с какой-нибудь там лесной дикой кошкой, а всего лишь неудачный опыт общения с ежевичным кустом. Черт меня дернул лезть в тот овраг. Помимо меня есть небольшой городок, название которого я так и не удосужился узнать, но по широким улицам которого я брожу вот уже часа полтора, шуршащие под ногами мелкие сырые после утреннего дождя камни, подползающее к горизонту солнце и запах чего-то теплого и сладкого. Запах этот, к слову, преследует меня уже минут двадцать, и это определенно добрый знак. Я вообще больше привык доверять собственному обонянию, нежели органам зрения и слуха, запахи не обманывают.

Передо мной цирк. Ну надо же, какая удивительная удача посетила меня на исходе дня. Я приятно удивлен, слегка счастлив и даже, можно сказать, польщен таким благосклонным ко мне отношением внутреннего голоса, который двумя часами ранее тихо, но настойчиво посоветовал мне задержаться в этом провинциальном городке. И потому я все же подхожу к большому цветному шатру, я даже плачу за вход, чего обычно не удосуживаюсь делать – сегодня мне отчего-то хочется, чтобы все было правильно.

Зыбко, громоздко, избыточно. А еще шумно,людно и как-то празднично что ли – вот что для меня цирк. Здесь душно, пахнет сахарной ватой, лошадьми и чем-то волшебным, мне не разобрать. Среди разномастных предметов мебели, служащих местами для зрителей, выбираю старый жесткий стул с подлокотниками, покрытый некогда дорогим, но теперь изрядно истертым бордовым бархатом. Жду. Я не люблю ждать, но сейчас мне нравится восседать на этом некогда дорогом стуле и наблюдать за мельтешением, хаосом, яркой жизнью цирка. Я даже чуть прикрываю глаза, а может, и засыпаю, определение границы между полупрозрачным сном и явью всегда давалось мне с трудом.

Представление начинается неожиданно – для меня. Гремит музыка, блестят и переливаются костюмы клоунов, дрессировщиков, акробатов, слепит глаза дивный свет, хлопают зрители. Я слушаю, смотрю, чувствую запахи, и у меня кружится голова. Но я не встаю, не ухожу, сладкий этот водоворот напоминает мне давешний сон, теперь я понимаю это совершенно точно, теперь я помню его настолько отчетливо, насколько вообще можно помнить сны. Поэтому я остаюсь, и не зря – после артистичной укротительницы тигров с хитрой улыбкой на арене появляется она. Нет, она действительно появляется, а не просто выходит из-за тяжелого занавеса – должно быть я просто отвлекся, дурак этакий. Она почему-то приковывает к себе внимание, не знаю, всех или не всех, но мое точно, и этого вполне достаточно. У меня не замирает сердце, не перехватывает дыхание, нет и каких-либо других признаков временного помешательства, мой организм абсолютно спокоен и умиротворен, только вот я почему-то не в силах оторвать от нее взгляда. Точные плавные движения, легкая, немного наигранная улыбка, яркие глаза, тонкие запястья, да вот собственно и все, что я мог бы о ней сказать. Она, конечно же, не может увидеть меня и мои горящие глаза, мне даже кажется, что сейчас меня никто не может увидеть. Я и сам не заметил, как превратился в местного безумного призрака, забыл прошлое и решил, что останусь здесь навсегда – буду изредка являться укротительницам и клоунам во снах, но той воздушной гимнастке чаще всего, обещаю. Такие вот глупости.

Но мечтам моим не суждено сбыться. Прерывается волнующая мелодия, гимнастка исчезает за тяжелым занавесом, номер заканчивается, а вместе с ним и все представление. Я вновь обретаю способность слышать, чувствовать и понимать происходящее, улыбаюсь собственным мыслям, качаю головой, наваждение какое-то. И неожиданно понимаю, что не смогу уйти, пока не увижу ее, пока хотя бы не узнаю, как ее зовут, и любит ли она море. Мне почему-то именно это кажется важным.

Глава 3. Гимнастка

Даже когда мои жесткие качели поднялись и громкая, бьющая по мозгам, музыка сменилась медленной, немного грустной и тягучей как нуга, я еще не пришла в себя: в голове стеной стоял гул, и жизнь как будто протекала за тонким стеклом, протекала медленно, а, самое главное, мимо. На моем же лице было исключительно бессмысленное выражение.

В общем, я начала. Сегодня это не так просто сделать, скажу я вам, за мной наблюдают сотни пар глаз, но одних, самых важных глаз, серых, как вечерне-осеннее небо, глаз моего отца, нет. Он болеет, и я чувствую, что стараюсь вхолостую. Как будто, если барышни-модели, сошедшие со страниц модных журналов Сюзи, позировали ради «просто так», а не фотографу, который смотрит на них довольно, словно дрессировщик на глупых кудрявых пуделей...

У меня руки струятся. Точнее, руки у меня абсолютно нормальные, не подумайте, но дурацкий костюм сделал из них почти что крылья. И не просто крылья, а еще и с блестящими. Это неспроста, точно вам говорю. Я ухнула вниз, в последний момент зацепившись коленями за дощечку качелей, а они, качели, все витали и витали, раскачиваемые моими немислимыми, произвольными, но энергичными телодвижениями. Я в восторге от себя и от музыки, от музыки и от себя, от нас двоих, которые уже успели слиться воедино. Сейчас, именно сейчас пройдет волнение, которое вызвал во мне юноша в первом ряду, выглядевший растерянным и чужим, всегда чужим. Сейчас мурашки испугаются высоты и покинут меня, перебегут к кому-нибудь из зрителей снизу. Сейчас скрипка, которая до этого прекрасного момента послушно и кротко аккомпанировала какому-то глубокому и тревожащему инструменту, название которого я постоянно забывала, громко зарыдает. Мой музыкант дернется и замрет на месте с блаженным выражением лица, а я изогнусь так, что вполне смогу упасть, мои костлявые коленки возможно уже не смогут с силой сжимать жесткую дощечку. А я... А я в это время как ухну да как ухвачусь за веревки сильными руками и притяну к себе все тело, пару секунд летая стоя и в такт стучась спиной о бесчувственный кусок дерева!

Вот она! Я слышу ее. Жалобный плач скрипки растет, грозясь перерасти в истерику и перебить все тарелки в доме. Он вибрирует, и я, возбужденная, облизываю обсохшие губы, вспоминая, что сейчас привлеку к себе максимальное внимание, подтянув тело к себе и перевернувшись с ног на голову, внезапно, неожиданно, не успев досчитать до десяти. Это всегда получается быстро, кровь в голову, ногти впиваются в нитки, а глаза, которые я специально держу широко открытыми, задыхаются от толстого потока воздуха. Он, тот самый из первого ряда, образ которого сидит в голове, задержит дыхание и перестанет моргать, наслаждаясь от боли в глазах. Он точно-точно будет переживать, я же заставлю. И в моей голове появляются такие безумно-сладкие мысли, которые никогда бы не пришли мне в голову раньше, до того, как я его увидела. Только, скрипочка, милая, не подведи.

Звук вибрирует, вибрирует и... обрывается. От неожиданности я тоже обрываюсь, в нелепой позе, с выгнутой спиной и коленями на уровне лица. Скрипач не должен был этого делать, зачем? Сидит, наверное, сейчас, судорожно сжимая смычок, глаза открыть не смеет. Прислушивается к тому хаосу чувств, что заполнил его без предупреждения. У нас в этот момент одна душа на двоих, он знает. Я даже репетировать в полную ногу без него не могу, а он – без меня.

То, что творилось в моей темной еще душе, передалось ему и ошеломило. Ты играй, милый, играй. Это же пройдет, верно? Скоро пройдет, а пока твоя тишина – и я падаю.

Пусть это все длилось лишь пятую часть от мгновения, я живо представила, как лежу на брезентовом полу, разбитая и глупая-глупая-глупая, зрители переговариваются между собой. Изредка доносятся до уха хохотки. Они все уходят к мороженщику, лижут шоколадные и ванильные шарики в вафельных рожках. А тот из первого ряда скользит взглядом по мне, быстро-быстро, и молчит.

Он ведь всегда молчит, правда?

И уходит. Далеко, туда, куда даже мои сны не забредают.

Я почти уже упала, и духовно, и просто – носом вниз, когда меня поддержал мой милый скрипач, который всегда умел открывать глаза тогда, когда не хочется.

Это ведь можно перевести в разряд трюков-обманок, настолько обманчивых обманок, что даже и саму гимнастку обмануть могут? Только не рассказывайте папочке, я вас умоляю, он же не переживет!

Разве я смогу выступать дальше? Красная, с перекошенным лицом (интересно было бы сейчас увидеть себя в зеркале, ха!) и расширенными зрачками, сердцем, бьющимся в горле и ноющей ногой? И куда ни взглянешь – всюду люди, и все они, черт возьми, смотрят на меня, а не занимаются собой, как обычно. Зато за кулисами точно стоит Сюзи, бледная и встревоженная, ее окружает туча кавалеров, которые то и дело заглядывают ей в глаза и предлагают стакан воды.

Никогда я еще так не ждала конца своего выступления, в меня словно вгрызлись сотни зубов. Хотя нет, не вгрызлись, а всего лишь раздражающе покусывают, тянут вниз. Тело ноет. Тем временем, я с ужасом представляю, как придется еще раскланяться и убежать, легко и неспешно, когда ноги несут тебя от людских глаз куда быстрее, чем хочется.

Я честно стараюсь думать о чем-то отвлеченном, пока музыка затихает и качели несут меня вниз, к земле под ногами. Но этот свалившийся мне на голову, такой нужный мне и в то же время появившийся так не вовремя, зритель не выходит у меня из головы. Даже, когда я закрываю глаза, образ всплывает в памяти. Да нет, не всплывает даже, а п о я в л я е т с я, настолько он четок. Мерлин, как же меня раздражает и злит его дурацкое неожиданное появление, отрешенный вид и взгляд внутрь. Если он также смотрит на свою девушку – я искренне ей сочувствую. Как, наверное, каждый раз сбивается с ритма ее несчастное сердце, ха-ха! Но мне отчего-то не нравится его девушка, мне кажется, что она страшенькая. И имя у нее наверняка глупое. А он, скорее всего, любит ее и дарит цветы. Оно ведь всегда так, ага.

Я кланяюсь быстро и часто. Аплодисменты гуще, чем должны были быть. По-моему, даже преувеличенно громкие, хотя, вполне возможно, что мне только кажется. Я резко поворачиваюсь и закрываю глаза, ведь чем меньше я его вижу, тем быстрее он выветрится у меня из памяти, правда?

Несусь к кулисам, быстро-быстро, перескакивая с ноги на ногу, и натываюсь на Сюзи. Она улыбается неуверенно, а я бросаюсь к ней в объятия и призываю слезы. Но они не идут, встали комом в горле и издеваются. Ни сглотнуть, ни сказать, ни слова. Я уткнулась сухо шмыгающим носом ей в плечо и нарочно стиснула зубы, не доверяя шершавому комку внутри меня, который в любой момент может протиснуться еще глубже, внутрь и тогда уж мои слезы зальют блузку Сюзи. Вот парни, наверное, обрадуются, когда увидят ее насквозь мокрой, а я им такой возможности не дам. Мне одной одиноко страдать.

Моя подруга бормочет что-то про поклон, и я осознаю, что снова надо выходить, снова улыбаться и может быть даже принимать цветы. Я отчаянно мотаю головой и для убедительности отстраняюсь от нее, размахиваю руками. Сюзи некоторое время недоуменно смотрит на меня, а потом, пожав плечами, выходит.

Я уже несусь в гримерку. Прислоняюсь к двери и сползаю по ней картинно. Медленно-медленно, наэлектризованные волосы шуршат и стоят дыбом, а глаза закатываются совсем уж смешно, но после этого обычно становится легче. А самое главное, что в гримерке тишина. Ее нарушает только стойкий запах духов, который висит густо и плотно, но они настолько вкусные, что им можно.

Я полусижу, полулежу, полусплю, полуживу, мой взгляд расфокусирован и бродит по комнате в поисках тарелок, кружек, фарфоровых кукол и чего-либо другого, что можно грохнуть об пол. Я не истеричка, что вы, но так давно мечтала сотворить что-нибудь этакое,

что не воспользоваться случаем было бы кощунством. Увы и ах, ни одного хрупкого и ценного предмета во всей комнате так и не сыскалось, мое показательное выступление закончилось, так и не начавшись.

Я кинула взгляд на ногу, где разместились злосчастные голуби и голубки, которые прохаживались мимо старых, исписанных признаниями в любви, лавочек и клевали носом землю. Интересно, зачем они это делали? Может, голодные? Или это самцы так выставляются перед самочками, которые делают вид, что их ничего не интересует, кроме той молодой парочки, которой на рисунке, к сожалению, не было, но она обязательно существовала и манила голубок на семечки. А несчастные голуби выделялись и так, и этак, но какая тут романтика, на голодный желудок?

Чем-то эти несчастные напоминали меня. Но я не птица, во мне куда больше злобы, сил и мозгов. И сейчас я уничтожу этот рисунок, медленно-медленно, начиная с того неудавшегося фонаря. Потом нажму пальцем на голубку и снесу ей голову, повергнув голубя в шок. Прочь лавочки! Зачем они нужны в парке где одни влюбленные?

И эти ужасные осенние листья.

Это такое удовольствие – срывать на других, что я тут же пришла в гармонию с собой и даже замурлыкала папину любимую колыбельную под нос, изредка морщась, когда тушь вместо того, чтобы просто стереться, размазывалась на полноги. Впрочем, этим можно было пользоваться. Рисовать рожицы и хохотать над выражениями их черных, незаконченных лиц. Вдруг, прервав мой смех, раздался тихий стук в дверь – раз, два, три.

Глава 4. Искатель

Да, представление закончилось, но я почему-то не спешу вставать. И хлопать тоже не спешу, выражение моего лица, наверное, тоже никак не изменилось, и глаза все так же горят. При всем при этом мне так спокойно, хорошо, уютно даже, будто вокруг не гудящий, громко выражающий восторги народ, а, по меньшей мере, летний утренний лес. В лесу мне иногда бывает гораздо спокойнее, нежели в окружении людей, правда это совсем не означает, что я любитель спокойствия.

Смотрю на опустевшую арену, жду чего-то, логически мыслящее сознание подсказывает, что должен быть еще финальный выход, ну там поклоны, радостные улыбки, цветы. Но оно не право, врет оно, врет и не спешит краснеть, удивительно наглое у меня сознание во время коротких минут логических размышлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.